

УДК 81

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-74-77

Т. А. Сироткина

Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Российская Федерация

Этнонимия региона как зеркало этнической идентичности¹

Аннотация. В статье рассматривается этнонимия региона как зеркало этнической идентичности. На примере функционирования названий народов в художественных текстах региональных авторов анализируются отдельные компоненты идентичности и делается вывод о том, что этот вид языковых единиц помогает авторам произведений отразить оппозицию «свой–чужой», существующую в языковой картине мира любого этноса, а также выразить идею толерантного существования представителей разных культур на многонациональной территории. **Ключевые слова:** этнонимия, этническая идентичность, названия народов, языковая картина мира, этническая общность, категория этничности, этнос, этноним, Пермский край, этнонимикон.

По наблюдениям этнологов, главным условием существования этничности является наличие дихотомического отношения «мы–они». Если такого отношения не существует, тогда нет смысла говорить об этничности, поскольку она предполагает такие отношения между группами, члены которых рассматривают друг друга как различающиеся по каким-либо культурным характеристикам [1, с. 87]. «Этнические различия, – писал Л. Гумилев в предисловии к книге Н. С. Трубецкого «История. Культура. Язык» (Москва, 1995), – не мыслятся, а ощущаются по принципу: «Это мы, а все прочие – иные». Так было и так есть, пока человек остается человеком» [2, с. 93].

Наличие определенного набора культурных атрибутов отличает не только одни этнические группы от других, но и этнические группы от иных социальных образований – профессиональных, возрастных, гендерных и т. д. Следовательно, «этничность является аспектом, стороной социального взаимодействия между группами, члены которых осознают себя как культурно отличные от членов других групп, с которыми они имеют определенные отношения» [3, с. 54]. В этнологических исследованиях называются основные факторы этничности [4, с. 264]: язык и языковое сознание, культура, религия, место рождения, представление об общности исторического прошлого.

С понятием «этничность» тесно связано понятие «этническая идентичность». Идентичность понимается как «человеческая потребность отождествлять себя со всей этнической общностью или ее внутренними подразделениями – этнографическими группами как первого порядка, возникшими в результате территориальной аннексии, так и второго, сформировавшимися главным образом из мигрантов» [5, с. 214]. Современные исследования свидетельствуют о том, что диффузная идентификация с этнической группой может наблюдаться у детей в 3–4 года. «Наблюдения родителей детей-билингвов и мои собственные наблюдения, – пишет В. В. Красных, – говорят о том, что дети уже в 5–6 лет различают «своих» и «чужих». Ж. Пиаже полагал, что в 8–9 лет ребе-

нок четко идентифицирует себя со своей этнической группой, в нем просыпаются национальные чувства, а в 10–11 лет этническая идентичность формируется в полном объеме» [6, с. 43].

Актуальным представляется и взгляд на этническую идентичность через призму языка. Одной из существенных для языкового сознания категорий, на наш взгляд, является категория этничности. Под категорией этничности мы понимаем универсальную познавательную категорию, посредством которой человек определяет принадлежность себя и других к тому или иному этносу. Для этого он использует стандартный набор классификаторов, к которым относятся: язык, особенности внешности, характера и поведения, определенные черты материальной и духовной культуры представителей этноса. Языковой составляющей данной категории являются названия народов (этнонимы), составляющие этнонимию данного языка, функционирование которых зачастую отражает этнические стереотипы, существующие в сознании этноса.

Лингвисты дифференцируют этнические и культурные стереотипы: этнические стереотипы недоступны саморефлексии «наивного» члена этноса и являются фактами поведения и коллективного бессознательного, им невозможно специально обучить, а культурные стереотипы доступны саморефлексии и являются фактом поведения, индивидуально-бессознательного и сознания, им уже можно обучать [7, с. 109].

Одной из актуальных задач современной этнолингвистики является изучение этностереотипа. В настоящее время в данной области исследований лидируют польские лингвисты, в частности Люблинская лингвистическая школа. В России эта область исследований обратила на себя внимание представителей уральской лингвистической школы, которые пытаются выстроить портрет «человека этнического» [8]. Интересны также разработки Л. П. Крысина, касающиеся способов представления этноценки [9]. Вслед за Л. П. Крысиным мы определяем этностереотип как «стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос» [9, с. 103]. В языке это обычно «стереотипная форму-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-412-860002.

ла, в которой выражаются представления о своем и о других народах» [10, с. 84]. Именно в сфере стереотипной ментальности народа следует искать, по словам Н. Ф. Алефиренко, «источники синергетики национального и культурного компонентов в семантической структуре языкового знака» [11, с. 10]. Существуют автостереотипы, выражающие представление о «своем» народе, и гетеростереотипы, относящиеся к «чужому» этносу, которые обычно более критичны.

Наряду с термином «стереотип» в этнологии используется термин «этнический образ» — форма краткого описания, «в котором выделяется какое-то одно типическое свойство в восприятии представителей других этносов. Этнический образ, акцентируя внимание на какой-либо специфической черте внешнего поведения индивида, формирует общее представление об облике представителей того или иного этноса в целом» [1, с. 216]. В сознании каждого народа содержится информация о специфических чертах своего этноса, реализуемая через интраобраз, и отличительных характеристиках ближайших и дальних соседей, сконцентрированная в экстраобразе.

Показательно в связи с этим исследование ассоциаций, присутствующих в языковом сознании личности, особенно в языковом сознании региональной личности, поскольку это свидетельствует о степени этнической толерантности жителей региона. Для выявления того, какие ассоциации связаны с некоторыми этнонимами-понятиями в языковой картине мира пермских студентов, была проведена анкета, на вопросы которой отвечали студенты 2-го курса филологического факультета (100 чел.). Анкета содержала следующие задания: «1. Заполните пропуски в данных фразах, добавляя в них те слова, которые отражали бы, на ваш взгляд, какие-то характерные черты представителей данных национальностей: 1. Он по русски ____, он по-татарски ____, он по коми-пермяцки ____. 2. Как истинный русский, он ____, как истинный татарин, он ____, как истинный коми-пермяк, он ____. 3. Он русский, но он ____, он татарин, но он ____, он коми-пермяк, но он ____. 2. Вы слышали данные фразы. Что, по-вашему, они могли бы означать? Русский есть русский. ____. Татарин есть татарин. ____. Коми-пермяк есть коми-пермяк. ____».

Для анкетирования использовалась методика И. М. Кобозевой, которая исследовала ассоциации, возникающие в результате использования этнонимов «немец», «англичанин», «француз» и «русский». Она пишет: «Представляется, что к числу объективных проявлений коннотаций следует отнести... те явления, которые обычно не фиксируются словарями, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой или ее дериватами. Одно из таких явлений... — это относительное единообразие в интерпретации псевдотавтологий типа X есть X, которые информативны именно в силу того, что в них объекту X имплицитно предсказывается свойство, устойчиво ассоциируемое в сознании говорящих с объектами данного типа» [12, с. 103].

Для нашей анкеты были взяты вопросы о татарах и коми-пермяках как народах, с которыми русские проживают на территории Прикамья в наиболее тесном контакте. Так, «коми-пермяки и русские на протяжении многих веков жили в соседстве и тесном взаимодействии. Историческое дружеское взаимодействие народов проявляется в положительном отношении русских к коми-пермякам» [13, с. 29]. «Взаимодействие русских с татарами начинается в XVI–XVII веках, когда татары перемещаются с районов Волжской Булгарии на южные земли Пермского края, в бассейн реки Сылвы, Ирени, Бабки и других» [13, с. 30].

Как показали результаты анкетирования, автостереотип русских основан во многом на представлениях о характере и особенностях поведения представителей своего этноса. Фраза «по-русски...» была продолжена словами *щедр* (3 раза), *гостеприимен* (2 раза), *душевен, великодушен, свободолюбив, храбр, отважен, горяч*. Область «язык» актуализируется в высказываниях говорит и ругается матом.

Та же концептуальная область лежит в основе представлений русских о соседнем татарском населении. Фраза «по-татарски...» была продолжена лексемами *трудолюбив, хитер, вспыльчив, чистолюбив, щедр, гостеприимен, доброжелателен, общителен*. Область «язык» представлена словами *говорлив* и *балакает*.

При характеристике коми-пермяков актуализируется область «внешний вид», вербализующаяся с помощью характеристики низкого роста». Отмечена реализация области «язык»: *немногословен*. Но и здесь область «особенности характера и поведения» является ведущей: *необщительный* (2 раза), *замкнутый* (2 раза), *наивен, непонятен, гостеприимен, простодушен, скромн, глуповат, тих, далек*. Отметим, что на данном курсе в отдельной группе обучаются студенты коми-пермяцкого отделения, которые не принимали участия в анкетировании, но многие ассоциации русских студентов связаны именно с теми, кто учится с ними рядом. Отсюда одна их характеристик: *чавкает семечками на лекциях по русской литературе*.

Область «материальная культура», образующая концепт «этнос», начинает актуализироваться при ответе на вопрос «как истинный...».

Истинный русский, по мнению студентов, *пьет водку и закусывает солеными огурцами; любит вкусно поесть, попариться в бане; любит русскую баню, пельмени, водку, соленые огурцы и философию Канта* (последняя фраза имеет отношение уже к области «духовная культура»).

Каждый татарин, как отмечают испытуемые, *умеет готовить свое национальное блюдо; умеет готовить азу и всегда напоит вас чаем; любит плов и холодное оружие; умеет делать чак-чак; умеет великодушно готовить и знает толк в винах*. При ответе на этот вопрос актуализируется также область «духовная культура»: *истинный татарин верующий* (2 раза), *набожен*.

При характеристике коми-пермяков задеиствована и область «язык»: истинный коми-пермяк *говорит с сильным акцентом и ценит свой язык*. Данная концептуальная область реализуется также в ответах, отражающих не характерные для русских качества: *он русский, но он не знает правил русского языка, и качества, присущие татарам и коми-пермякам: он татарин, но он знает русский язык, понимает по-русски; он коми-пермяк, но говорит по-русски без акцента*.

Особенно интересны ответы на последний вопрос анкеты, отражающие ассоциации, присутствующие в сознании региональной языковой личности, которые связаны с представителями разных культур. В ряде случаев данные ассоциации получали репрезентацию в виде прецедентных текстов. Например, с русскими связываются устойчивые выражения *один за всех и все за одного, вместе мы — сила; душа нараспажку; рубаха-парень, каждый день — праздник* и т. д. О татарине думают: *упертый как баран; с татаринцом дружи, но камень за пазухой держи*. В других случаях ассоциации носят индивидуальный характер, связаны с личным восприятием отдельных представителей этноса: *коми-пермяки не проявляют уважения к институту и студентам*.

Актуальным в связи с заявленной темой представляется и рассмотрение функционирования этнонимов в художественных текстах. Для анализа были взяты произведения уральских писателей А. Иванова, Н. Никонова, Ф. Решетникова, Е. Туровой, Е. Федорова. Рассмотрим, какие компоненты этнической идентичности в них представлены.

1. Внешний вид представителя того или иного этноса. Именно внешние отличия прежде всего бросаются в глаза и становятся объектом описания в художественном тексте: «Заходили они в кибитки, где у чувалов над котлами хлопотали черноглазые *башкирки*: волосы у них иссиня-черные, заплетены в тонкие косы» [14, с. 98].

2. Общность материальной культуры, представленная в многообразии ее традиционных составляющих. Многие предметы быта, описываемые в текстах исторических романов, имеют этническую маркировку, отражающую их принадлежность к культуре того или иного этноса: «Взор ее упал на кривой *башкирский нож*, который валялся у порога; она подобрала его и спрятала» [14, с. 89].

3. Общность языка. Как известно, именно языковая принадлежность служит основанием для лексикографической дефиниции этнонимов, именно язык и общность исторического прошлого являются одними из основных составляющих этнической идентичности: «Подлиповцы говорят *по-пермякски*. Плохо понимая наши слова, или хотя и выговаривают их, но в исковерканном виде. Выговор их походит на выговор крестьян Вятской и Вологодской губерний» [15, с. 96].

4. Особенности вероисповедания. Являясь неотъемлемой частью духовной культуры этноса, религия позволяет отличить «своих» и «чужих», оце-

нить поступки представителя определенного этноса через призму духовной идентичности: «А *пермские боги* похожи на половцев, что привязывали пленников к хвостам диких кобылиц» [16, с. 142]; «Подлиповцев не любят жители других деревень еще и за то, что подлиповцы своей *пермякской веры* держатся, слывут за ленивых, самых бедных, и их называют колдунами» [15, с. 32].

5. Территориальный компонент национальной идентичности репрезентируется в художественных текстах с помощью контекстов, в которых функционируют топонимы: «Дошли до места, где впадает в *Чусовую* крупнейший ее приток — река *Сылва*. *По-вогульски* — талая вода» [17, с. 15]; «А вот скала *Вогуллинская гора* так и не доползла до берега, чтобы стать бойцом, и застряла в лесу: торчала там над еловыми острями обиженной кучей» [18, с. 551].

6. Исторический компонент национальной идентичности отражается в текстах художественной прозы чаще всего с помощью сочетаний с отэтнонимными прилагательными и топонимов: «Такой провал называют *чудской ямой*, говорят, не то чужь белоглазая ушла в землю, не то ихний бог Кудэ-водэж сам собой закопался» [19, с. 162]; «В октябре 1582 года под *Чувашским мысом* разразилась решающая битва» [20, с. 194].

Таким образом, оппозиции «мы — они», «свой — чужой» являются неотъемлемой чертой языковой картины мира любого народа. Человек всегда будет идентифицировать себя со своей этнической группой и отличать тех, кто к ней не принадлежит, а в языке этноса всегда будут находить отражение этнические стереотипы и ассоциации. Как показывает анализ материала, этнонимы в живой речи и художественных текстах являются маркерами национальной идентичности, репрезентируя такие ее компоненты, как особенности внешнего вида, общность языка и культуры, территории, исторического прошлого, а также традиции именования. Данный вид языковых единиц помогает авторам произведений отразить оппозицию «свой — чужой», существующую в языковой картине мира любого этноса, а также выразить идею толерантного существования представителей разных культур на определенной многонациональной территории.

T. A. Sirotkina

Ethnonymy of the region as a mirror of ethnic identity

Annotation. The article considers the ethnonymy of the region as a mirror of ethnic identity. On the example of the functioning of the names of peoples in the artistic texts of regional authors, the individual components of identity are analyzed and the conclusion is made that this type of language units helps the authors of works to reflect the opposition «one's friend» in the language picture of the world of any ethnic group, as well as to express the idea of tolerant existence representatives of different cultures in a certain multinational territory. **Keywords:** ethnonymy, ethnic identity, names of peoples, linguistic picture of the world, ethnic community, category of ethnicity, ethnos, ethnonym, Perm region, ethnonym.

Источники и литература

1. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология: Учебник для студентов высших учебных заведений. Москва: Академия, 2003. 320 с.
2. Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. Санкт-Петербург, 1996. 184 с.
3. Рыжков В. А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. Куйбышев, 1985. С. 15–21.
4. Шейгал Е. И., Бураковская В. А. Лингвокультурология: языковая репрезентация этноса: учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград: Перемена, 2002. 178 с.
5. Чагин Г. Н. Этнос и культуры на стыке Европы и Азии. Пермь, 2002. 384 с.
6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва, 2003. 375 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. Москва, 2001. 208 с.
8. Березович Е. Л., Гулик Д. П. Ономастический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка. Москва, 2002.
9. Крысин Л. П. О русских этностереотипах в их языковом выражении // Лексикология и лексикография. Москва, 2006. Вып. 17. С. 103–108.
10. Подюков И. А. Этнические стереотипы в народной фразеологии // Этническая культура и современная школа. Кудымкар, 2003. С. 84–90.
11. Алефиренко Н. Ф. Стереотипы и прототипы в этнокультурном пространстве языка // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 8. 2010. № 24 (95). С. 5–12.
12. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского университета. Сер. 9 «Филология». 1995. № 3. С. 102–116.
13. Этнокультурные процессы русского населения Пермского края на современном этапе: Материалы этносоциального исследования / подг. Г. Н. Чагиным, Е. Н. Шестаковой. Пермь, 2006. 72 с.
14. Федоров Е. Демидовы. Москва: Советский писатель, 1946. 343 с.
15. Решетников Ф. М. Подлиповцы. Москва, 1977. 192 с.
16. Иванов А. В. Чердынь – княгиня гор. Пермь, 2003. 348 с.
17. Никонов Н. Ермак // Уральский следопыт. 1973. № 4. С. 15–25.
18. Иванов А. В. Золото бунта. Москва, 2005. 542 с.
19. Турова Е. Кержаки. Проза. Пермь: ООО «Маматов», 2007. 320 с.
20. Иванов А. В. Message: Чусовая. Москва, 2007. 488 с.

УДК 39

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-77-80

Р. Ю. Федоров

Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень, Российская Федерация

Этнокультурные процессы у переселенцев из Белоруссии на территории Большемуртинского района Красноярского края¹

Аннотация. Опираясь на результаты полевых исследований выявлены характерные сценарии этнокультурных процессов, имевших место в деревнях Большемуртинского района Красноярского края, в которых в период с конца XIX в. по наши дни проживали крестьяне-переселенцы из Белоруссии и их потомки. Установлено, что за рассматриваемый период выходцы из Белоруссии прошли путь трансформации от территориально-этнографической к этнодисперсной группе. В разных деревнях этот процесс происходил асинхронно, сопровождаясь ситуациями временной однородности их исходного этнического состава, его перманентности или вытеснения.

Ключевые слова: Белорусы, крестьянские переселения, Большемуртинский район, Красноярский край, этнокультурные процессы.

В крестьянских переселениях конца XIX – начала XX в., осуществлявшихся на территорию современного Красноярского края, заметное место занимали выходцы из Белоруссии. По подсчетам В. А. Степнина, среди общего числа крестьян-переселенцев в Енисейской губернии за 1893–1903 гг. доля выходцев из Западного края составляла 37,2% [1, с. 74]. К середине 1920-х гг. белорусы составляли большинство жителей 27 сел, 197 деревень, 89 поселков и 434 хуторов [2]. По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г., на территории Канского, Ачинского, Красноярского и Минусинского округов Сибир-

ского края, территория которых в основном совпадает с административными границами современного Красноярского края, проживало 113 010 белорусов [3], что составляло около трети от общего числа белорусов, проживавших в Сибири. Несмотря на эти цифры, по сравнению с такими соседними регионами, как Новосибирская и Иркутская области, на территории Красноярского края оказалась более ярко выраженной тенденция к трансформации компактного проживания белорусских переселенцев в рассеянное. Чтобы глубже понять причины этой ситуации, в 2019 г. нами была проведена этнографическая экспедиция в одном из типичных мест проживания потомков белорусских крестьян-переселенцев на территории Большемуртинского р-на Красноярско-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00028.